

Лёля Фольшина

Я к Вам пишу...

Лёля Фольшина
Я к Вам пишу...
Серия «Любовь в зеркале
истории», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65836106
SelfPub; 2022

Аннотация

В романе «Я к Вам пишу...» выткано масштабное полотно российской истории. Страницы писем и дневников героев романа, словно путеводные нити, проведут читателя по закоулкам Российской империи: дикие горы Кавказа, суровый быт Сибири, блистательная роскошь Санкт-Петербурга. Может ли глубокое чувство возникнуть по переписке? А если это переписка уездной барышни не первой молодости с осужденным по делу о восстании декабристов отставным полковником? Смогут ли герои преодолеть разделяющие их расстояние и предрассудки? Под шелест пожелтевших от времени страниц писем, покрытых витиеватыми буквами, вдумчивый читатель узнает ответы на все вопросы.

Содержание

Пролог	6
Письмо первое. К Ней	9
Из дневников Романа Чернышева	13
Письмо второе. К Нему	16
Авторское отступление	21
Письмо княгине Львовой	23
Письмо третье. К Ней	28
Из дневников Романа Чернышева	34
Письмо четвертое. К Нему	37
Из дневников Романа Чернышева	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лёля Фольшина Я к Вам пишу...

Роман в письмах и дневниках

Он:

Роман Сергеевич Чернышев, граф, 1792 года рождения
отставной полковник, участник войны 1812 года
и заграничных походов, осужден «по делу 14 декабря»

Она:

Варвара Павловна Белокриницкая, 1800 года рождения
дочь помещика Павла Матвеевича Белокриницкого,
семья владеет домом в Москве на Мясницкой улице
и поместьем в Смоленской губернии

Пролог

Июль 1934 года. Подмосковье

Дачный дом, бывший когда-то флигелем барской усадьбы

– Варька, полезли на чердак. Там интересно.

– Не хочу, да и бабушка строго-настрого приказала платья не пачкать.

– Мы не испачкаемся, честное пионерское, зато там интересно.

– Сказала – не хочу, – Варя фыркнула, отошла от Андрея подальше и села в кресло с книгой.

– Трусиха, трусиха, трусиха.

– Я??? Да никогда в жизни, – девочка бросила книгу и решительно стала подниматься по шатким ступеням ведущей на чердак лестницы. Да, она боялась мышей, пауков и тараканов, но признаться в этом кузену, который и так доставал ее все лето, – ни за что на свете.

– Варя, смотри, чемодан. Огромный какой. Наверное, там сокровища.

– Бумаги, – воскликнули одновременно два голоса, только мальчик – разочарованно, а девочка – с интересом.

– Андрей, посвети мне, – Варя стала смотреть пачки писем, перевязанные ленточками и старые тетради в сафьяновых переплетах. Бумага была пожелтевшей, чернила просматривались плохо, но это была живая история.

Девочка взяла наугад пачку листов и начала читать.

«...январь 1832 года

Друг мой, дорогая, родная моя Варенька, я, наверное, не имею права писать Вам так, но я так привык к нашей переписке, Вы стали мне близким другом. Самым близким на свете. Я пишу Вам письма, разговариваю с Вами в моем дневнике, словно Вы сидите рядом, я держу Вас за руку – милая, простите мне эту вольность – и рассказываю обо всем, что произошло за ночь...»

Дальше было несколько неразборчивых строчек и подпись тоже не очень разборчивая с таким залихватским росчерком.

– Андрей, помоги мне все это снести вниз, – Варя прижала к груди ту пачку, листочек из которой читала, и стала осторожно спускаться, словно нашла величайшую драгоценность и теперь боялась ее разбить.

– Варька, дура ты, зачем? Бумаги какие-то. Давай еще посмотрим, – заныл Андрей, но, тем не менее, безропотно потащил найденный чемодан вниз. Фанерный и достаточно тя-

желый, он оттягивал парню руку, но показать себя слабаком перед девчонкой – нет, только не это.

Чемодан был поставлен на стол на террасе, Варя села в кресло и начала разбирать бумаги...

Письма удалось разложить по датам, хотя и не сразу – кое-где вместе дней и месяцев стояли церковные праздники, и девочке пришлось вспоминать все, чему учил ее когда-то дедушка-священник, а вот дневники... Тетради были разрозненные, некоторые буквально разваливались под руками, кое-где лежали просто отдельные листы. Сначала Варя хотела собрать дневниковые записи хотя бы по годам, но потом решила читать, как придется – так будет еще интереснее. Письма же она разложила в две разные стопки – по почерку и адресатам. Их было два – Роман Чернышев и Варвара Белокриницкая. Дневники тоже принадлежали Роману...

Письмо первое. К Ней

Март 1828 года. Березов.

Милый друг мой, Варвара Павловна. Вот и прошел год моего заключения, отправлен я теперь на поселение в Сибирь. Место мне выпало, можно сказать, шикарное – Березов. Помните, должно быть, сюда был сослан в свое время князь Менишиков, сподвижник Петра Великого. Даже дом сохранился, в котором он с семьей проживал. Хоромы. Нам такое и не снилось.

Живу я у одной доброй старушки, помогаю ей, чем могу, дрова наколоть, снег разгрести. Колодец у нас свой, так что воды натаскать не сложно.

Тоскливо тут до крайности. Особенно зимой. Как весна настанет, легче будет, но весна тут не скоро еще. И не такая она, как у Вас в Москве.

У нас тут холодно. Особенно по утрам. Пока хозяйка печку растопит – она к этому важному делу барина не допускает – из-под одеяла носу не высунешь. Зато потом хорошо. Марья Гавриловна женищина хозяйственная, с самого утра все что-то печет, стряпаем, в избе вкусный дух витает. Столуюсь я у нее, ясное дело, деньги, что перечисляют, ей и отдаю. Знаете, Варвара Павловна, до того непривычно

все. Я ведь раньше никогда и не интересовался, сколько хлеб стоит или фунт сахару, ни к чему было, а теперь вот приходится. Вообще у меня такое ощущение странное, что того Романа, которым я был когда-то, более и нет на свете, даже того, который с Вами когда-то на постоялом дворе беседовал, тоже в общем-то нет. Другой я стал совсем, сам себя не узнаю.

Вот вышел сейчас на улицу, снег искрит, солнышко светит, хорошо так стало. Вспомнилось почему-то, как на 40 мучеников ¹ маменька жаворонков пекла, с крылышками и глазками-изюминками. А однажды мы с братом по незнанию, али по озорству весь приготовленный маменькой изюм съели. Ох, и попало там тогда от отца. Он два дня с нами не разговаривал, и на службу идти не велел. А маменька только вздыхала, да смотрела укоризненно. И меня от этого ее взгляда аж переворачивало всего.

Я потом года два еще на жаворонков смотреть не мог. Как увижу, так вспомню проделку нашу глупую и маменькин взгляд укоризненный.

Теперь уж отца в живых нет, а она, бедная, по канцеляриям хлопочет обо мне, чтобы наказание смягчить. Да что поделаешь. Сам виноват. Ее только жалко. Совсем одна осталась.

Что-то я все о грустном, простите, Варвара Павловна.

¹ **40 мучеников** – Святые мученики Севастийские – память 9/22 марта. Существует обычай в этот день печь булочки в виде птиц – жаворонки.

Расскажите, как поживаете. Какие балы были нынче на Святках, катались ли на каруселях на Масленой? А что каток на Патриарших прудах чистят ли, как и прежде? Мы юнкерами часто туда хаживали. Самый лучший был каток в Москве. Там оркестр играл, раздевалка была теплая, и чаем поили с бубликами. Вы кататься любите? Хотел написать, что приеду, и покатаемся, только вряд ли я когда вернусь в Москву-матушку, даже если маменька выхлопочет помилование.

Ну да ничего, я не унываю. Право, о чем унывать? Жив, и слава Богу. Утром проснулся и обрадовался – еще один день Господь даровал прожить. Совсем другие у меня тут радости, маленькие, ежедневные, даже ежеминутные. Птица на ветку вспорхнула – радость, лису увидел, когда за ишиками ходил, тоже радость, книгу у местного священника нашел – еще какая радость. Пусть и на древнегреческом, коего я и не помню почти, но все равно это книга. Буду пытаться читать и вспоминать язык, хоть какое занятие для ума. Сын отца Петра из уезда вернется, может, еще книг каких привезет, а то томик Байрона, что был у меня с собой, я уже весь наизусть выучил, да и не лежит у меня душа к Байрону нынче, а почитать хочется. Еще нашел у бабушки литографию нашего городка, скопировал ее, как мог, чтобы Вы видели, где я проживаю. Город наш стоит на речке Сосьве. Сейчас она льдом покрыта, а летом тут, говорят, раздолье. Рыба водится разная, в тайге – клюква да морош-

ка. Ягоду и листья сушат и зимой заваривают вместо чая. И верите ли, Варвара Павловна, я тоже к такому чаю страстился. Сначала поневоле, а сейчас кажется, вкуснее любого кофину и шоколаду. Знаете, о чем я иногда вспоминаю? Будете смеяться — о мороженом. Такого лакомства тут не делают, но если клюкву с сахаром помять и немного снега добавить — мороженое и получится. Вот написал, и представилось мне, как Вы мое письмо читаете и улыбаетесь, и смех Ваш слышу. Вы так хорошо смеетесь, что и мне радостно становится.

Прошу Вас, ежели не в тягость, пишите мне чаще, я, Варвара Павловна, писем Ваших жду, очень. Они как глоток свежего воздуха.

Буду я, наверное, письмо свое заканчивать, а то сплошная меланхолия выходит, негоже.

Жду от Вас весточки, за сим остаюсь бывший полковник, а ныне ссыльный поселенец.

Роман Чернышев.

Из дневников Романа Чернышева

...августа 1808 года

Сегодня говорили с отцом о смысле жизни и о чести. Я никогда не видел его таким взволнованным. Я вообще никогда не видел, чтобы он волновался. Это маменька импульсивна. Она и накричать может и даже однажды пощечину отцу залепила. Они не знали, что я это видел, а я тогда поразился. Как поразился и нынче. Отец ходил по комнате, курил трубку и говорил, говорил, говорил. Громко и взволнованно.

Хотя, ну что я такого сделал. В конце концов, мне шестнадцать лет. Я взрослый. Да и Татьяна сама меня все лето по углам ловила... Я понимаю, что такое честь и достоинство будущего офицера. И отец не прав. Крайне не прав...

Только бы он не сказал маменьке...

...января 1815 года

Париж, Париж, Париж. Как тут красиво. Но как же я хочу домой. Приехать в Чернышевку, упасть лицом в траву и так лежать, вдыхая запах родной земли. Или пойти на реку... Господи, как давно я не купался в реке. Вспомнилось, как с Гришкой переплывали ее на спор... Эх, Гришка, Гришка, ну зачем ты полез в эту атаку... Адъютант-ординарец, ты не должен был погибнуть. Мне тебя так не хватает. Очень...

...марта 1819 года

Граф, конечно, прав, впрочем, как всегда, конституционная монархия спасет Россию, но я-то зачем в это ввязываюсь? Всегда был далек от политики...

...ноября 1813 года

Первый бой. Атака. Пули свистели так, словно каждая из них была предназначена мне. Спасибо, Алешка крикнул, и Вороной понес, иначе мы бы оба погибли. Я был в каком-то ступоре. Машинально скакал, так же машинально саблей махал. А потом меня выворачивало под кустом, и я почти час приходил в себя.

Зачем я все это пишу? Кому нужны записки хилого интеллигента, которым я оказался на поверку? Юнкер, а смерти боюсь.

Да, боюсь, и готов себе в этом признаться. Меня не сама смерть страшит, а то, что все это останется – это серое небо, березы, снег и проталина, птичьи голоса, Гриша, маменька, отец, а меня не будет. Не могу себе этого представить, не могу понять, оттого и страшно.

...июля 1807 года

Привет тебе, о мой дневник, давно в тебя я не писал...

Я влюблен, влюблен как мальчишка тринадцатилетний. Гришка, конечно, посмеется надо мной, но Зиночка, *ma belle*

Зиночка... Эти локоны вокруг ее милого личика, как они забавно прыгали, когда она танцевала мазурку, ее глаза светящиеся. Нет, она определенно красавица, а я влюблен и счастлив. Хочется бегать и кричать от полноты жизни. Или броситься в реку, переплыть на тот берег, а потом сидеть с крестьянскими ребятами у костра, печь картошку и смотреть на звездное небо.

В такие минуты я чувствую себя песчинкой мироздания, маленькой крупницей какой-то большой жизни, винтиком какого-то механизма, которому я нужен, чтобы он правильно работал.

Господи, что я несу, какая несусветная чушь, кадет, приходит в вашу голову?! Но Зиночка, милая Зиночка...

Письмо второе. К Нему

Май 1828 года. Москва

Любезнейший Роман Сергеевич! Несказанно обрадовалась, получив от Вас весточку. Не ожидала, что письма будут идти так долго. Мы уже и Масленицу отгуляли, и Пост отговели, и Пасху справили. А вчера были на бале у кузины Элен по случаю ее тезоименитства². Видела вашу матушку. Очень хотелось к ней подойти, спросить, не было ли весточки, но мы не знакомы, и я не решилась. А сегодня пришло письмо. Так что обрадовали Вы меня, Роман Сергеевич, благодарствую.

В Москве настала сушь и жара. Пыль такая, что хоть на улицу не выходи. Намедни маменька послала Прохора в имение наказать управляющему, чтобы все приготовил. На той неделе и переедем.

Спасибо за рисунок, теперь я хоть знаю, как выглядит Ваши Березов. Хотя, по письмам Вашим все очень хорошо представляла – и Читу, и острог, словно была там рядом с Вами – Вы так пишете, что картины сами перед глазами встают. Сейчас обязательно в папенькиной библиотеке по-

² **тезоименитство** – Именины, День Ангела; Елена – равноапостольная, царица, 21 мая ст/ст (3 июня)

смотрим книги, может, найду что про Березов.

Почитала про жаворонки. Умилилась. Так живо себе это представила, и Вас с братом – озорников. У нас Степанида тоже жаворонки пекла, так мы, дети, все время около нее в кухне толклись – то орешков попробовать, то изюмчику. Она всегда давала, шумела только – «вы, барчата, осторожнее, маменька осерчает». Маменька и правда сердилась, что мы на кухне, считала, что там очень жарко, и боялась, чтоб кто не обжегся. Она в детстве по недосмотру няньки своей сильно руку обожгла о печку, вот и волновалась за нас.

Но мы со Степанидой дружили, она нам сказки рассказывала. Я уже в девушках была, сиживал у нее на кухне с пальцами, сказки слушала или песни какие. Хорошо она пела. Голос такой нежный-нежный у нее был, и так душевно слова выводила. И все про любовь.

Вот, батюшка, Роман Сергеевич, открыла я Вам страшную тайну – чем девицы занимаются незамужние – вышивают, да о любви мечтают. И я мечтала, как без этого.

Матвей Иванович, жених мой покойный, хорошим человеком был, ничего не скажу, но мечты девичьи так мечтами и остались. В неделю лихманка его скрутила, доктора ничего сделать не смогли. После как-то никто более и не сватался.

Про каток Вы спрашивали, Роман Сергеевич. И на Патриарших катаются по прежнему, и на Чистых. Только мне вроде на коньки вставать не годится – матрона, чай, уже по возрасту, да и не с кем выйти-то, но иногда так хочется.

Вот мечталось мне во сне давеча, что приехали Вы на Москву ко мне в гости, и пошли мы с Вами на каток, и катались, взявшись за руки, шагами голландскими – большие всего их люблю – а проснулась, поняла, что сон это, и взгрустнулось.

На пасхальном балу в Благородном собрании я в этом году все большие с тетушками сидела, сплетни городские слушала. Зато Полюшка, племянница моя, нарасхват была – шестнадцать лет, первый бал, чудо, как хороша. И на Москве кавалеры совсем другие. Мой-то первый бал был в Смоленске. Там все уездное дворянство. Самый молодой – предводитель, ему на ту пору едва тридцать минуло, а остальные все – или юнцы безусые, или папеньке моему ровесники. Но все равно, даже там я так волновалась – вдруг никто со мной танцевать не захочет, или я на перепутаю, или, не дай Бог на ногу кавалеру наступлю. Спасибо, Павел Николаевич, предводитель наш, пригласил меня на вальс, и страхи мои развеялись. А Полюшка, Полюшка и не волновалась будто совсем. Танцевала легко, смеялась весело, даже за пианино села и романс исполнила с графом Воронцовым. Какие они, молодые, нынче смелые. Я б ни за что не смогла так, помяните мое слово, ни за что.

Написали Вы про мороженое, и мне вдруг мороженого захотелось, сказала Дуняше, чтоб сделали к ужину. А для клюквы сейчас не сезон. У нас под Смоленском мы собирали клюкву, и чернику собирали. Варенье варили. Маменька

сама всегда командовала. Тазы большие по всей кухне стояли, медные. Девушки ягоду перебирали и песни пели. Мы с сестрами помогали им, а братишки все норовили ягоду утащить. Такие озорники были, страсть.

Николенька все по заграницам ездит, уж, почитай, года два не виделись, а Ванечка... Ванечка на Кавказе. И писем давно не было, каждый день за него и за Вас молюсь, чтоб живыми вернулись.

Черемуха за окном цветет, пахнет так потрясающе, я Вам в следующем письме пошлю веточку, как засохнет совсем, чтобы в конверт вложить. А раз черемуха зацвела, может и похолодает – черемуховые холода. В прошлом году как черемуха цвела, как раз тоже на Константина и Елену, я к обедне в спенсере ходила, а нонешний год даже шали не взяла, такие погоды сейчас теплые. Надеюсь, и к Вам в Березов весна пришла, и уже снега таять начали. Или у Вас там снег до самого лета стоит? Простите, Роман Сергеевич, невежество мое или если смешное что написала, я, конечно, книги папенькины читала, но образование получила домашнее – читать, писать и считать умею, а остальное, как папА сказали – девице без надобности.

Думаю, и Вы, Роман Сергеевич, над моим письмом и улыбнетесь, и посмеетесь, и это даже хорошо, наверное, настроение поднимется. А то Вы все грустите и грустите. Не стоит. Как говорил мой дедушка, держите нос по ветру, и все плохое исчезнет. Конечно, его бы устами, да мед пить, но

все когда-нибудь кончается, и ссылка Ваша кончится. Глядишь, амнистия выйдет к какому празднику, кто знает.

А пока пишите мне о своем житье-бытье. Ваши письма скрашивают мою, порой достаточно унылую жизнь. Надеюсь, мои скрасят Вашу.

Пишите мне, Роман Сергеевич, на московский адрес – судя по тому, как долго письма идут, ранние осени весточки от Вас ждать не стоит, а мы из имения к Пимену³, почитай, уж точно вернемся.

Надеюсь, у Вас там всего в достатке, но если я чем-нибудь могу способствовать Вашему благополучию, то во всякое время от всего сердца готова сделать все, что возможно, а потому Вы можете с полной уверенностью обращаться ко мне, пусть и просто всего лишь случайной знакомой

Варваре Павловне Белокриницкой.

³ **Пимен** – преподобный Пимен Великий, православный святой – день памяти 27 августа ст/ст (9 сентября)

Авторское отступление

Август 1934 года, дачный флигель в Подмоскowie

Читая дневники и письма, Варя частенько ловила себя на мысли, что ей чего-то не хватает. Хотелось знать об этих людях больше, особенно о Варваре Павловне. Но ее дневников в чемодане не оказалось. То ли не вела их девушка, то ли они затерялись где-то за столько-то лет.

В один из дождливых дней Варя предприняла новый набег на чердак, и в стоящем в углу комоде ей попался под руку пузатый кожаный ридикюль. Примерно с таким ее бабушка Аглая Ильинична ходила в театр.

В ридикюле нашлась пара носовых платков, костяной веер, театральный бинокль, которому девочка была несказанно рада – ни у кого из ее подружек не было такой замечательной вещицы – и стопка писем. Посмотрев на адрес, Варя возликовала – почерк Варвары Павловны, правда, адресат другой, или вернее, адресаты. Два письма в Смоленскую губернию какой-то Агриппине Семеновне, три – в Санкт-Петербург княгине Ольге Львовой и целых пять ответов от нее, пара писем – от графа Михаила Боборыкина, записка от него же на неровном листке бумаги и с кляксой, и еще по одному – от нескольких других адресатов. Все письма были да-

тированы 1828–1843 годами: именно к этому времени относилась переписка Варвары Павловны и Романа Чернышева.

Захватив ридикюль, Варя спустилась с чердака и села читать найденные письма. И они – как недостающие кусочки мозаики – дали ей полную картину всей истории.

Письмо княгине Львовой

Май 1828 года, Москва

Оленька, княгинюшка моя, как же я по тебе скучаю. Письма, письма, бесконечные письма. А так хочется свидеться. Посидеть вместе, как встарь сиживали, поплакаться. Мне столько нужно рассказать тебе. Вот ждала-ждала, думала – приедешь, или я к тебе выберусь, а оно все никак не складывается, и решила все-таки написать, нет мочи терпеть. Совет нужен, просто до смерти нужен, а больше мне рассказать некому. Влюбилась я, Оленька, кажется, давно уже, больше года. Вернее, поняла я это где-то с год назад, а началось все намного раньше.

Чую – ругать ты меня будешь по страшному, и не ведаю, за что больше – что молчала столько или что натворила все это.

Попробую по порядку, хотя, какая теперь разница...

Помнишь, может быть, – около двух лет назад, Ванечка еще только служить собирался, вышло ему наследство от дяди нашего, князя Пашутина. Да далеко где-то в Екатеринбургской губернии. Он сам-то поехать не мог, да и оттуда управляющий к нам на Москву ехать не пожелал. Сговорились на полдороге встретиться – бумаги передать. А по-

том вроде уже Ваня сам решать собирался – продать имение или что с ним делать дальше. И маменька наша не нашла ничего более умного кроме как меня на встречу эту отправить. К старости она вообще странная стала – и не возрази ни слова, себе дороже.

Снарядили меня с теткой Парашей – а ты знаешь, какой от нее прок. С другой-то стороны оно и лучше – развеяться хоть, а то маменька ж все болела, и я только в храм к обедне и выходила – боле никуда. Устала в четырех стенах сидеть.

Как снег сошел, тронулись мыв путь. Хорошо было. Раздолье. Тетушка все больше спала, а я в оконце любовалась.

Лошадей быстро меняли, ночевали в основном по знакомым, маменька на постоянных дворах останавливаться не велела. Но однажды пришлось – непогода застала – до имения знакомцев наших пару верст всего и не доехали. Но куда там – такой дождь, чисто Вселенский Потоп. Гостиница чистая, даже без клопов, и хозяйка опрятная, понравилась мне. Остановились, отужинали. Тетушка спать пошла, а мне не спалось что-то. Накинула капот и вышла вниз, чаю спросить. Да в зале и осталась, так тоскливо показалось в темную комнату возвращаться. А там тепло, печка, свет какой-никакой. И люди. Немного, правда. Пара семейная ужинала и барин молодой. Станный. В шинели солдатской, а как распахнул – там мундир внизу, как у Ванечки нашего, офицерский мундир-то. И барин, как я уже

писала – по виду барин. Чай тоже пил. Офицер с ним был, но он сказал что-то барину и вышел, а тот остался. И все в окно смотрел, а потом случайно голову повернул в мою сторону – и такая тоска в глазах, вселенская. Мне аж страшно стало. А он вдруг встал и подошел ко мне. Поздоровался, представился и попросил присесть рядом. Я и разрешила. Не знаю, почему, это против всех правил, но не ругай меня, пожалуйста.

Крикнула полового, чтобы еще чаю принесли и бубликов. Предложила Роману Сергеевичу, так мой визави отрекомендовался. Он чаю взял, а есть не стал, думаю, постеснялся брать от девушки.

Говорили мы странно – о погоде, о балах, какие в Москве были, об общих знакомых, коих у нас множество нашлось. О Смоленске – у его папеньки тоже там имение от нашего недалеко, верстах в пятнадцати.

Я почему-то рассказала Роману Сергеевичу – куда еду и зачем, а он все больше молчал и только смотрел на меня грустно так. Долго мы сидели, наверное, полночь, во всяком случае, стемнело порядком. Мне уже и спать захотелось, а все никак не могла встать и уйти. Словно держал он меня чем. Странно так, вот теперь думаю, что это было. Наваждение какое, или сразу я поняла, что по сердцу он мне. Не знаю, веришь ли, а только уйти просто так никакой мочи не было.

Потом офицер вернулся, подошел к нам, кивнул. Встал

мой барин и пошел. Даже не попрощался. До двери было дошел, остановился и что-то сказал офицеру. Тихо они говорили, не слышала я, хотя, по всему выходило, ссорились. Но потом, видимо, тот уступил. Вдвоем они вернулись. Офицер у полового бумагу спросил, перо и чернильницу.

Принесли. Тут мой барин и говорит:

– Варвара Павловна, позвольте адрес ваш записать, я вам письмо отпишу, если разрешите.

А я ни жива, ни мертва сижу, и понять ничего не могу. Какое письмо, зачем, что маменька скажет? Странно мне все это показалось. Молчу. Ну тут офицер не выдержал.

– Барышня, – говорит, – пожалейте барина, ссыльный он, по делу 14-го декабря. Слыхали?

«Да как не слыжать-то», – у меня аж внутри все обмерло. И до того жалко его стало, мочи нет. Пусть, думаю, пишет, я отвечать буду. Что-то мне вот так ясно казалось, что не виноват он, в чужом пиру похмелье. Да и встреча эта странная. Словно нарочно мне так далеко ехать пришлось, чтоб с Романом этим повидаться.

Назвала я адрес. Московский и имения. Спросила, куда ему писать. Тут снова офицер вмешался, сказал – как можно будет, барин мне отпишет, а пока неизвестно ничего. Что да как, да куда. Ссылки ему год, потом поселение. Там, может, проще будет. А пока ехать пора.

Вышли они, и знаешь, Оленька, словно сила какая меня подняла, за ними выскочила, проводила, перекрестила на

прощание. Роман уже от кареты обернулся, увидел, подбежал обратно, руки мне целовал, а я его по волосам погладила. Никогда себе такой вольности с мужчиной не позволяла, а тут, даже не знаю, что на меня нашло...

Тронулись они, а я так на крыльце и стояла, перекрестила вслед большим крестом и смотрела, пока за поворотом не скрылись. Ночь лунная была, и вызвездило, словно и природа нам помочь решила.

С тех пор и пишем друг другу. Не часто, долго больно письма идут. И не знаю я, что делать. Маменька его тут на Москве сейчас гостит, все хочу с ней познакомиться, да только как. Неловко вроде. Странно так получилось, что общих знакомых у нас много, а вот так, чтобы познакомил кто, ни о чем не спрашивая, – нет никого. И в одних домах бываем, вот у кузины Элен, к примеру, но ее просить все равно, что на всю Москву раззвонить.

Может быть, ты что придумаешь? Приезжай, Оленька, очень я тебя жду.

Твоя Варя.

Письмо третье. К Ней

Июль 1828 года, Березов

Милая, милая Варвара Павловна! Вот и дождался я письма заветного, как чувствовал, весь вечер приставал вчера к батюшке, чтобы он сегодня на почту съездил. И прав оказался, привез мне отец Петр радость. Сижусь, читаю, и словно вижу, как Вы там на балах танцуете. И завидую тем, кто рядом с Вами. Как бы мне хотелось быть на их месте – слышать Ваш голос, видеть улыбку. Хотя я и так ее вижу, как глаза закрою.

Странная штука – Провидение. Почему ему было угодно свести нас на том постоялом дворе, и почему меня не покидает чувство, что мы с Вами давно-давно знакомы, встречались когда-то? Странно.

Жаль, что не решились Вы подойти к маменьке. Она хорошая, добрая, и мне бы хотелось, чтобы Вы общались. Я попробую придумать, как ненавязчиво устроить ваше знакомство. Может, что и получится.

У нас тут наступило почти настоящее лето. Тепло, солнышко, трава зеленая. В лесу хорошо, вольготно дышится. Уйду иногда с книгой, упаду в траву и лежу. Смотрю на небо, думаю. Вас вспоминаю... Человек – песчинка в руке Бо-

жией, и Бог волен что угодно с ним сделать, только вот не делает, дает нам, дуракам, свободу, волю свою свободную. А мы этой свободой во вред себе пользуемся. Вспоминаю сейчас мысли свои юношеские и понять не могу – зачем все это, кто потянул меня на вольнодумство, для чего? Вот уж истинно бес попутал. Свободы захотелось, а получил тюрьму и ссылку. Зачем она мне нужна была, та свобода? Сам не знаю. Насмотрелся на французов, на Европу, казалось, лучше так будет, а получилось – никому лучше не сделал, а себе, маменьке, Вам – только хуже.

Я боевой офицер, и не у дел быть просто тяжело. Война на Кавказе, товарищи мои гибнут, а я тут прохлаждаюсь. Книжицы почитываю. Ванечка вернется, Варвара Павловна, помяните мое слово, вернется живой и здоровый. И весточку пришлет, просто война такое дело, что письма иногда писать совсем нет времени. Не волнуйтесь, милая, все хорошо будет. Не должно иначе.

Правы Вы, Варвара Павловна, улыбаюсь я, письмо Ваше читая, только не смешно мне, а радостно. В душе такая радость поднимается и благодарность, что пишете Вы мне, не забываете, а мне тут каждая весточка с воли – как подарок, словно богатство несметное получил. Только не смейтесь там надо мной, милая или смейтесь, я тут смех Ваш услышу и тоже порадуюсь.

Пришлите мне веточку черемухи, я на нее смотреть буду и Вас вспоминать, и Москву нашу, а я Вам тоже каких

цветов засушу и в письмо вложу. *Наших, местных.*

Хозяйка моя, *Марья Гавриловна*, огород сажала намедни, вот я душу потешил. И грядки ей вскопал, и семена сеял, и оградку починил, чтобы коза в огород не ходила, а то она у нас шустрая, глаз да глаз нужен. Я, знаете, козьего молока никогда не любил, а здесь пристрастился, оно когда теплое – очень вкусное. *Марья Гавриловна* и козу доить меня научила, и я не стесняюсь этого – хоть какое дело.

С отцом *Петром* недавно говорили, он послал архиерею местному прошение. *Коль Владыка* позволит, я батюшке в школе помогать буду, а то он один со всем не справляется, а так – и ему помощь, и мне радость. Хоть я и так с ребятами занимаюсь. Историю им рассказываю, географию, слушают. А я смотрю в детские глаза, и так хорошо на душе становится – нравится мне их тяга к знаниям. Человек грамотный, знающий будет книжки читать на досуге, а не водку пить, хотя тут ее и так почти не пьют – староверов много, да и просто дедов молодежь слушает. Не пьют у нас и табак мало кто курит. Из местных, так совсем никто, из тех, кто давно тут живет.

А с ребятами я в ночное хожу, там и рассказываю им свои истории. У костра хорошо ночью сидеть, легко себя чувствуешь, вольготно. И на душе спокойнее становится. Огонь, он к мыслям располагает и душу умиротворяет. Иногда вот искорка выскочит и осветит что-то, и вдруг вспомнится давно забытое, и так хорошо-тепло становится.

ся. Не знаю, понимаете ли Вы меня, хотя, думаю, понимаете, кажется мне, хоть и странно это, что Вы меня иногда лучше меня самого чувствуете. Только я о чем взгрустну-задумаюсь, как письмо Ваше придет, а в нем – словно ответ на мои мысли или вопросы, коих я и не задавал вовсе. У Вас такого не бывает, Варвара Павловна? Я не о себе сейчас, а вообще по жизни. Что вот вроде ты человека ни о чем не спросил, а он тебе ответил, словно вопрос кто другой ему задал – Бог или Ангел.

Пасха у нас прошла радостно. Красиво пели – архиерейский хор приезжал. Ангел вопияше⁴ – тенор сказочно так выводил. А в Великую субботу Разбойника⁵ как запели, я аж расплакался. Никогда со мной такого не было, не умею я молиться, а тут словно разбойником тем себя почувствовал, зато и Пасха радостная была. Плотию уснув⁶ у нас тоже красиво поют, без выкрутасов разных, но красиво. А знаете, Варвара Павловна, такой язык церковный, он только у

⁴ **Ангел вопияше** – Пасхальное песнопение, припев на девятой песне Пасхального канона. (перевод: Ангел воскликнул благодатной (Божией Матери): чистая Дева, радуйся! И опять говорю: радуйся! Твой Сын воскрес из гроба на третий день после смерти и воскресил мертвых: люди, веселитесь!)

⁵ **Разбойника благоразумного** – песнопение о разбойнике, распятом вместе с Христом. Этот разбойник признал свою вину, и Господь взял его в рай. Поется в Великую субботу – последний день перед Пасхой.

⁶ **Плотию уснув** – светилен или экзапостиларий Пасхи. Поется после девятой песни канона. (Перевод. Плотию уснув, как смертный, Ты, Царь и Господь, в третий день воскрес, Адама воздвигнув из тления и упразднив смерть. Пасха нетления, мира спасение!)

нас есть, у германцев, к примеру, на каком языке говорят, на том и в церкви служат. Я как-то слышал и сначала понять не мог – какое мясо, и почему оно спит, и только потом до меня дошло, что это у них так екзапостиларий⁷ пасхальный поется. Представляете? И смех, и грех.

На Троицу я с мужиками тоже в лес ходил, березки рубили, храм украшать, а как травой душистой да цветами полы устелили, такой дух в церкви стоял необыкновенный, словно и вправду на Троицу земля-именинница.

Вот сейчас напишу я Вам письмецо и поеду с соседом нашим Михайлой на рыбалку. Пост-то кончился, но в среду и пятник тут тоже только рыбу едят и то не всегда, ровно как по уставу положено. Я дома-то и не задумывался никогда, разве Великим постом и говел, и то почитай – пару недель. А здесь все как по уставу – посты и праздники. И я привык, и нравится оно мне, хоть это может и странным показаться.

Наверное, буду я прощаться с Вами, милый друг Варвара Павловна. Пишите, жду от Вас весточки, хоть и понимаю, что письмо мое вряд ли Вас в городе застанет, но вдруг поедет кто в имение, привезет, а то до Пимена больно долго ждать еще.

Ох. Написал вот и самому неловко, что обременяю, но Вы

⁷ **экзапостиларий или светилен** – песнопение, в котором кратко объясняется смысл праздника. В немецком языке Плотию уснув, равно как и мясо спит, звучит одинаково – Fleisch schläft

уж простите меня, одна радость тут – письма Ваши.

До свидания, Варвара Павловна, кланяюсь Вам низко и жду весточки. Хоть коротенько черкните про Ваше житье-бытье, мне и несколько слов прочесть отрадно будет.

Роман Чернышев.

Из дневников Романа Чернышева

...августа 1812 года

Странная штука – жизнь. Вот, казалось бы, зачем я вообще пошел в армию? Хотел ли я этого сам – не знаю. Так судьба распорядилась, Бог сулил? Тоже не ведомо мне сие. Как-то все по накатанной вышло. Кадетский корпус, юнкерское училище, сборы, словно это всегда было мое. Трудно, тяжело, а мое, родное. Только вот почему иногда кажется, что чужое это предназначение? Что не то мне на роду написано было? Просыпаюсь ночами в холодном поту и лежу, смотрю в потолок, все спят, а я не сплю – смотрю и думаю. О смысле жизни. О самой жизни вообще. О смерти. Я о ней часто думаю. О том, что там – за чертой. И есть там что-то...

Нет, я верующий, не верил бы, давно, наверное, застрелился, как намерднии прапорщик Истрин. Напился и пустил себе пулю в лоб. Записку оставил – боюсь умереть в бою. Скандал. А еще офицер и дворянин. Я верю и молюсь, но все равно страшно.

Вот пишу сейчас дневник, а кто-то словно липкой лапой за сердце схватил и не отпускает, и дышать тяжело. Господи, верую, помоги моему неверию...

...сентября 1807 года

Вернулись из лагерей. Первым делом наведалься к Зиночке. А они съехали. Досада какая. Дом стоит пустой, ставни закрыты, дворник ничего не знает. Даже за пятиалтынный не сказал.

То-то я гляжу, она на письма мои отвечать перестала. Знать, не доходили они до нее, раз уехала. Может, маменьку спросить, чтобы она узнала, куда Бельские подевались? Да только неловко как-то – о таком – с маменькой.

Да и глупости все это, правильно наш ротный сказал – женщины все – хаханьки и вздоры. Но я ведь был так влюблен, неужели любовь столь быстротечна...

...января 1820 года

Наверное, надо подать прошение об отставке. Что-то я последнее время неважно себя чувствую. Нога болит, да и маменька будет рада, коль я с ней поживу в имении, а то все скоро совсем в негодность придет – хозяйский глаз там нужен, мужской. Немца-управляющего – взашей, сам разберусь.

Завтра велю сани заложить – съезжу, посмотрю, что там, в усадьбе, делается. Никого предупреждать не стану, нагряну неожиданно, оно верней.

...марта 1823 года

Маменька твердо намерена меня женить. На кой ляд то ей сдалось, ума не приложу. Зачем мне жена – на балы и

увеселения ее вывозить? Сам не езжу, и ее не повезу. Деньги тратить? Так их и нету почти – денег-то. Тьфу ты, пропасть, удрать бы куда, вон хоть к Рославлеву в Вильно.

...мая 1824 года

Опять всю ночь проспорили о политике. И зачем я снова пошел на это собрание? Ведь дал же себе зарок – никуда не ходить, не ездить, с членами Общества не встречаться. Не надо мне это, да и им всем – по большому счету. Говорили-говорили, наорались до хрипоты, а ни к какому решению не пришли. Кадеты желторотые, честное слово. Взрослые ведь все уже, обстрелянные, а туда же, верят в доброго царя. Странно, ей Богу.

Письмо четвертое. К Нему

Ноябрь 1828 года, Москва.

Любезный Роман Сергеевич! Простите великодушно, что задержалась с ответом. Такие дела у нас тут на Москве творятся, что никак времени не было спокойно за письмо сесть.

Получила я от Вас весточку, как и ожидала, когда домой из поместья вернулись. Аккурат к Пимену оно и пришло. Обрадовалась я. Праздник этот для меня важен – я на Пимена словно второй раз родилась – болела сильно, и почти уже все, думали, преставилась, а батюшка иконку чудотворную из храма принес, молебен отслужил. И я на поправку пошла, а там и вовсе выздоровела. Маменька сказывала, жили они тогда в приходе Пимена Великого в Новых Воротниках. Его еще именуют, что в Сущеве. Дед мой по матери – профессором был в Екатерининском институте, потому и жили недалеко. Я-то от тех времен мало что помню, разве уж когда постарше была, бабушку навещала с няней, и гулять мы в Екатерининский парк ходили. А в храм Пименовский мы отродясь молиться не хаживали. Не знаю уж, почему. Мне

он гораздо уютней нашей Меншиковой башни⁸ кажется.

Но боле всего любя мне Троеручицы церковь. В Гончарной слободе. Далековато от нас, но как красиво там, и поют хорошо. Не громко и не вычурно. Молиться не мешают. Представляю, как Вы улыбаетесь моей болтовне нелепой – как это хор церковный и вдруг молитве помешать может. А вот так. Попала я как-то Великим Постом, как раз на Лазареву⁹, в собор, в Елоховский. Говорили, митрополит приедет, служба красивая, вот мы с кузиночкой и поехали. Народу – не протолкнуться. Встали в сторонке, чуть не у самого притвора. И тут как бас запел, даже не запел, закричал: «Лазаре, гряди вон...», ¹⁰ это «вон» страшно так прозвучало, я аж оробела сперва, а потом смех разобрал. Не могу остановиться, хоть ты что хошь. Пришлось даже на крылечко выйти, охолонуться. Боле мы в собор не ездили...

Ой, Роман Сергеевич, Роман Сергеевич, беда-то ведь у нас приключилась, горе. Ванечка мой на Кавказе сгинул. И страшно так. То есть неправильно я пишу. Живой он, да только не тот, что на войну уезжал. Лежит все в кровати и в потолок смотрит или из дому уходит, и нет его несколько дней кряду. А потом половые из трактира соседнего при-

⁸ **Меншикова башня** – Церковь Архангела Гавриила на Чистых прудах в Москве.

⁹ **Лазарева суббота** – церковный праздник – память воскрешения праведного Лазаря.

¹⁰ «**Лазаре, гряди (выйди) вон**» – песнопение праздника. В нотах композитора Ведыля басовая партия очень низкая, и звук получается грозный и громкий

таскивают, а то того хуже, околоточный приходил. А ведь он офицер, дворянин. Был бы жив папенька, со стыда б сгорел.

А иногда я среди ночи просыпаюсь от крика – жуткого, леденящего. Это Ванечка кричит – войну во сне видит. Он уж и в лечебнице лежал, и на дому его частенько доктор наш Мефодий Кириллович пользуется – капли разные дает, травы, да только бестолку все. Пропал наш Ванечка на Кавказе. Телом-то домой вернулся, а душу там оставил.

Слышала я как-то, другу он своему рассказывал, что там творилось, как люди гибли, и как он солдат своих на смерть послал, а сам выжил. Он не знал, что я слышала, не стал бы рассказывать, поди, он мне ничего не говорит, только: «Все хорошо, сестрица, все в порядке, милая, не кручинься». В тот вечер они в кабинете отцовском сидели, а я туда еще ранее прошла – за книжицей. Да и осталась сидеть в кабинете-то, в кресле. Кресло большое, глубокое, к окну лицом стоит, меня и не видно в нем. А Ванечка с Артемием Петровичем, другом его, они в другом углу сидели, там в томике Карамзина шкалик у папеньки стоял с анисовкой. Под секретом. Только никакой это ни для кого не секрет. Все знали, даже мы, дети. И так этот «тайник» в кабинете и остался после папеньки.

Братец с приятелем пришли с улицы, разгоряченные – спорили, видать, по дороге, похоже, Артемий Ваню нашего из трактира привел или еще откуда – нетрезвы оба были.

А после еще добавили. И давай громко говорить, ругаться, а потом Ванечка как начал рассказывать – что там на войне происходило, так мне страшно сделалось. И за него, и за солдатиков этих. Ни жива, ни мертва сижу, не то что выйти, сказаться, пошевелиться боюсь, дышу тихонечко, лишь бы они меня не заметили. Артемий Петрович слово какое-то резкое сказал, так Ваня его за грудки, ох, перепугалась я – подерутся, только братец вдруг обмяк весь и кулем на диван свалился. Приятель его выскочил, льду принес, доктора позвали. Тут уж и я подошла, пока он бегал-то – Мефодий Кириллович сказал, припадок. Кровь черная. Пустили кровь, Ванечка в себя пришел. Доктор всех из кабинета выставил, долго говорил с братцем о чем-то, потом вышел и велел водки Ване более не давать и ничего спиртного. Следить за ним, чтоб не волновался, а то удар хватит. Да только как за ним уследишь-то. Он вон ушел с утра – и нету, и не сказывал никому – куда, да зачем. Меня-то он точно слушать не станет, он и матушку отродясь не слушался, хоть и любил ее без меры.

Вот такие дела у нас творятся, Роман Сергеевич, и помощи-совета просить мне не у кого. То ли в деревню братца уехать уговорить, то ли в заграницу. На воды в Баден, говорят, хорошо. Только согласится ли? Я бы, может, у Вас спросила, как поступить, да больно долго письма туда-обратно путешествуют. Почитай, к Рождеству ответ придет, а то и того позже...

Вот подумала об этом, и взгрустнулось. И Вы там, наверное, грустите, я ж так ответ задержала. Вот странное дело – чужой Вы мне человек, без году неделя знакомы, а словно и не чужой. Не сердчайте на меня, Роман Сергеевич, что так вольно пишу и рассуждаю, но я уже старая дева, почитай, мне можно, да и по письмам Вашим вижу я, что человек Вы добрый, отзывчивый, попрекать меня не станете.

Хорошо как Вы про Пасху написали, я словно сама рядом в церкви той стояла, а потом в лес с Вами за березками ездила. У нас на Москве не во всех церквях березки ставят на Троицу. У нас только траву расстилают на пол. Душисто так прямо пахнет, нравится мне, а вот у Троеручицы ставят березки по бокам от амвона. Красиво.

Хорошо, что у Вас дело какое появится, так понимаю, к праздности-то Вы не привычны, это мы-девушки только читать да вышивать мастерицы, а мужчинам в бездельи скучно. И что староверы там у Вас, хорошо, а то от тоски да от безделья мало что – к рюмке бы пристрастились, а раз у них того в заводе нету, то и спокойно мне. Я ведь знаете, об Вас, как об братьях своих волнуюсь, а теперь и подавно, как с Ванечкой такое приключилось-то.

Вот сижу и не знаю – то ли искать его идти, то ли дома ждать. Непокойно на сердце. Пойду, наверное.

Простите, Роман Сергеевич, пошла я третьего дня Ваню искать, так и не дописала письмо-то. Теперь вот только

минутка свободная выдалась. С братцем хорошо все устроилось. Артемий-то, Голованов, друг его, что я выше писала, увез Ванечку в имение к себе. На охоту якобы. А папенька его, князь Петра Артемьевич – строгий да правильный. Веры старой. Он Ване шалить-пить не даст, а вот помочь, глядишь и поможет. Он же брата моего отроком еще знал, они с Артемием с первого класса корпуса вместе. Может, что и сладится.

А я тут и одна проживу, не стану маменьку в имении тревожить. Да и какое одна – нянюшка со мной, тетушка старенькая, да дворни полон дом. И подруга моя Оленька из столицы в гости обещалась. К Филипповкам¹¹. Недолго и ждать осталось. До Рождества погостит, а там, может, и я к ней поеду, хоть шумно у них и суетно. Мне у нас на Москве куда как больше нравится. Тихо, спокойно. На Чистые выйдешь, погуляешь, и хорошо на душе, отрадно.

Простите меня, великодушно, что так долго с ответом подзадержалась, надеюсь, у Вас там все хорошо, в Вашем Березове. Попросите батюшку помолиться о братце моем, рабе Божиим Иоанне, да обо мне. И дай Вам Бог терпения и спокойствия, а я буду тут переживать за Ванечку и молиться за него и за Вас,

Варвара Павловна Белокриницкая.

¹¹ **ФИЛИППОВКИ** – Рождественский пост (начинается 15/28 ноября, память апостола Филиппа)

Из дневников Романа Чернышева

....1822 года

Господи, ну что я за идиот, малолетний безумец, школяр, иначе не назовешь. Жизнь, это не игра в бирюльки, а я только что чуть не лишился ее. Дар Божий готов был променять на что? На поцелуи кокотки.

Нет, я точно сошел с ума. Зачем, зачем я ввязался в эту злосчастную дуэль? Надо оно мне было? Взрослый ведь человек, разумный, надо полагать, ну должен быть таковым. А туда же. Хуже мальчишки-кадета, ей Богу.

Ну ездил я к Оленьке и ездил, ну дала она мне от ворот поворот, так может, оно и к лучшему. Так нет же – выиграло ретивое. Слово за слово. Знал ведь за собой такой грешок, что не сдержан на язык. Знал и все равно продолжал этот бессмысленный спор с князем.

Нет, князь Павел, он, конечно, тоже тот еще жук, но господа же нас останавливали. И почему я не послушался? Почему повел себя как мальчишка? Жизнь, жизнь чуть не положил на алтарь собственного безумия и глупой прихоти...

Надо вообразить – стреляться из-за актерки кордебалета. Ладно бы еще прима какая, талант, а то так, пшик. И что я в ней нашел...

Хорошо хоть князь промахнулся. Но как же это страшно.

Страшно и глупо выжить на поле брани и умереть вот так. Страшно смотреть в дуло револьвера, жуть и оторопь. В атаку ходил, так страшно не было, а тут испугался, аж сердце зашлось. Может, потому, что глупо это – помереть вот так? Только за те секунды, что князь на меня револьвер направил, я и проститься с родными успел, и помолиться, и прощения попросить, и вся жизнь перед глазами пронеслась, а сердце зашлось так, что потом стыдно было, словно все мой страх этот видели.

Выстрелил воздух, на коня вскочил и дал шенкеля. Часа два по полям гонял, в себя приходил, а потом упал в траву, к земле прижался и плакал. Впервые за много лет плакал от счастья, что жив остался, от полноты жизни этой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.